

Астерий Амасийский, св. Беседа на слова Евангелия от Матфея: «По всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею» (Мф. 19, 3) / Пер. и примеч. М. Д. Муретова // Богословский вестник 1893. Т. 2. № 6. С. 383–395 (1-я пагин.).

СВ. АСТЕРІЯ АМАСІЙСКАГО

б е с ѣ д а

на слова Евангелія отъ Матоея: „по всякой ли причинѣ позволительно человеку разводиться съ женою своею“ (Мф. 19, 3)?

Прекрасно у христіанъ и трудолюбцевъ это сочетаніе двухъ дней,—разумѣю — субботы и дня Господня (т. е. воскресенья),—которое еженедѣльно повторяется въ круговоротѣ времени; ибо какъ матери или кормилицы Церкви, они и народъ собираютъ и священниковъ заставляють выступатьъ въ качествѣ наставниковъ, а учениковъ и учителей вмѣстѣ руководятъ къ поученію о душахъ. У меня, напримѣръ, все еще звучитъ рѣчь вчерашняго дня и засѣло въ памяти то, чѣмъ (вчера) мы занимались. Взираю на крестъ, водруженный пророчествомъ Исаи, и на одежды Господа, обогранныя кровію какъ у того, кто выжимаетъ виноградъ ¹⁾, — и на Спасителя, несущаго скорое искупленіе въ десницѣ Своей. И Соломона созерцаю, производящаго предъ нами судъ и правду во всей возможной строгости ²⁾. Жалѣю и о должникѣ евангельскомъ, который не оказалъ подобному себѣ рабу чловѣколюбія, коимъ самъ воспользовался отъ Господа ³⁾, но по безразсудству и

¹⁾ Исаи, LXIII, 2--3.

²⁾ 3 Цар. III, 24.

³⁾ Мф. XVШ, 28.

жестокости снова навлекъ самъ на себя бѣду. Вотъ какими главными предметами занимались мы въ прошедшій день, какъ знаете всѣ вы, если только слушали не безъ надлежащаго вниманія.

Сегодня опять многое и все—прекрасное предложилъ намъ Духъ Святый на сей видимой трапезѣ. Но я обратилъ вниманіе на пустослововъ и вмѣстѣ искуателей—фарисеевъ, и очень пожалѣлъ ихъ за испорченность нравовъ, причемъ они замышляли перехитрить (самый) Источникъ мудрости своими вопросами, но потерпѣли неудачу въ предпріятіи, такъ какъ Божество Единороднаго всегда обращаетъ (подобные) вопросы въ противное для нихъ. О семъ, мнѣ кажется, и Исаія пророчески говорилъ: „*Господь*) *отвращаяй мудрѣя вспять, и совѣты ихъ обуяяй, и уставляяй глаголъ раба Своего*“ ¹⁾, — и затѣмъ Давидъ: „*языки своими льщаху: суди имъ Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ*“ ²⁾. Впрочемъ, благодарность нужно воздать имъ, хотя и врагамъ, что подвигли Премудрость къ отвѣту, дабы намъ, рабамъ Ея, оставить въ немъ письменное наученіе полезному: ибо вотъ канонизуется бракъ—главное дѣло жизни человѣческой, — законополагаются точные предѣлы какъ (для) заключенія, такъ и расторженія (его), которые пусть выслушаютъ со всѣмъ тщаніемъ оба пола, дабы и женская половина научилась свойственному ей, и мужская обязывалась къ назначенному для нея.

„Позволительно ли человѣку разводиться съ женою своею по всякой причинѣ?“ Таково предложеніе евреевъ. Я же съ другой стороны смотрю на цѣль во-

1) Исаи, XLIV, 25--6.

2) Псал. V, 10--11.

проса. Такъ какъ женскій полъ способнѣе къ довѣрїю и скорѣе склонялся къ величію чудесъ, къ воспрїятїю и вѣрѣ въ Божество Христа (такъ и въ концѣ,—когда человѣкоубійцы по своему опредѣленію влекли Господа на крестъ, толпа женщинъ и страданіе оплакивала, и, слѣдуя за Спасителемъ, жалобно проливая слезы) ¹⁾: то, дабы устроить нѣкое затрудненіе и непрїятность Ему черезъ коварный вопросъ, они, какъ это думалось имъ, разставили сѣти и силки своими рѣчами; Господь же, силою Божества усматривая готовящееся злоумышленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляя человѣколюбивое постановленіе для жизни и содѣлывая тщетными козни ихъ, предлагаетъ отвѣтъ въ защиту женщинъ, отогнавъ ни съ чѣмъ волковъ — фарисеевъ, напрасно открывшихъ рты свои для вопроса. Само твореніе, говоритъ Онъ, указываетъ цѣль въ соединеніи, а не въ раздѣленіи; и первый устроитель брака есть Творецъ, сочетавшій первозданныхъ людей брачными узами и будущимъ поколѣніямъ давшій непререкаемый порядокъ сожителства, который они должны были чтить какъ законъ Божій. Соединенные же другъ съ другомъ „уже не двое, но одна плоть; итакъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ“.

Это было сказано тогда фарисеямъ. Но и теперъ послушайте вы, приспѣшники ихъ, которые легкомысленно перемѣняете жещъ, какъ одежды,—устраиваете брачныя чертоги такъ часто и быстро, какъ ярмарочныя палатки,—женитесь на имѣніяхъ и берете женъ для своей прибыли, — даже при небольшомъ раздраженіи немедленно пишете разводное письмо и еще при жизни оставляете многихъ вдо-

¹⁾ Лук. XXIII, 27.

вами. Увѣрьтесь, что бракъ расторгается только смертію и прелюбодѣніемъ. Вѣдь въ томъ, что совершается по закону и установленію, бываетъ не такъ, какъ въ отношеніи къ блудницамъ, (съ коими) сожителство ограничивается небольшимъ числомъ дней и при этомъ преслѣдуется одно только плотское наслажденіе; но совершенно напротивъ, о человѣкѣ! происходитъ нѣкоторое единообщеніе тѣла и души, такъ что и нравъ съ нравомъ вмѣстѣ соединяется, и плоть съ плотью нѣкоторымъ образомъ связуется. Какъ же ты отторгаешься безчувственно? Какимъ образомъ столь легко и безъ страданій разлучаешься, хотя ты взялъ себѣ союзницу жизни, а не служанку на нѣсколько дней, — сестру и жену?—Сестру—по творенію и происхожденію (ибо изъ одной стихіи земли и одинаковаго вещества состоите вы); жену же — благодаря единенію супружескому и закону брачному. Какія же поэтому узы расторгнешь ты, будучи связанъ и закономъ и природою? Какъ отвергнешь обѣты, которые принялъ на себя при совершеніи брака? О какихъ это (обѣтахъ), думаешь, говорю я?—о тѣхъ ли, которыя ты, при переписи здѣсь приданого, засвидѣтельствовалъ собственноручною подписью къ книгѣ, скрѣпляя печатью совершаемое? И это, конечно, крѣпко и имѣетъ достаточную твердость; но я уношусь (мыслию) къ изреченію Адама: „это плоть отъ плоти моей и кость отъ костей моихъ: она будетъ называться женою моею“ ¹⁾. Это изреченіе не напрасно сохраняется въ Писаніи; оно есть общее исповѣданіе мужчинъ, отъ одного перваго лица того высказанное всей совокупности женщинъ, по закону сопрягаемыхъ съ

---

¹⁾ Быт. II, 23.

мужьями. Не удивляйся, что сказанное однимъ служить обязательствомъ и для другаго: вѣдь все, что случилось съ первозданными въ началѣ, стало природою и для послѣдующаго поколѣнія.

Итакъ, если жена, безъ причины оставленная, взявъ книгу Бытія, повлечетъ тебя къ судіи (а судія есть вмѣстѣ и свидѣтель), скажи, что ты отвѣтишь? Какъ изгладить словесное свое заявленіе, которое ты сдѣлалъ передъ Богомъ, и которое записалъ не какой-нибудь ничтожный писецъ, а Моисей, слуга Божій? Не имѣвшую отца и матери жену передалъ Богъ Адаму, и тѣмъ какъ заботливый опекунъ обезпечилъ сироту: теперь же дочери твердо ограждаются законными правами матери (Евы) противъ безчестныхъ и невѣрныхъ мужей, такъ что ни съ какой стороны невозможно тебѣ презирать супругу, когда связанъ ты и древними божественными и новыми человѣческими законами.

Но да внушитъ тебѣ стыдъ (передъ разводомъ) и польза (отъ) жены для жизни. Она есть членъ (твой), помощница, сотрудница въ провозженіи жизни, въ рожденіи дѣтей; она — поддержка въ болѣзни, утѣшеніе въ скорбяхъ, стражъ дома, сокровищница имущества. Она печалится твоими печальями и радуется твоими радостями. Вмѣстѣ съ тобою владѣетъ она богатствомъ, если есть таковое, тяготу бѣдности облегчаетъ экономіей; искусно и твердо противостоитъ непріятностямъ, на нее (направляющимся); постоянно трудится надъ воспитаніемъ дѣтей, закрѣпощенная сожителемъ съ тобою. А если случится какое-либо несчастное стеченіе обстоятельствъ, она погружается въ скорбь и заботу; между тѣмъ какъ тѣ, кто считаются друзьями, измѣряя дружбу временемъ счастья, отстаютъ въ опасностяхъ, а слу-

ги—бѣгутъ и отъ господина вмѣстѣ и отъ бѣды. Остается только жена, членъ страждущей половины; въ худыхъ обстоятельствахъ она прислуживаетъ и заботится о мужѣ, отирая слезу, залѣчивая раны, если онѣ нанесены ему. Она слѣдуетъ за нимъ, когда его ведутъ въ темницу: и если дозволятъ ей войти (туда) вмѣстѣ съ нимъ, она охотно разделяетъ заключеніе; если же и запрещаютъ ей это, она остается при дверяхъ тюрьмы, какъ собачка, привыкшая къ хозяину.

Зналъ я женщину, и притомъ цвѣтущую, которая и волосы остригла и переодѣлась въ мужскую одежду, чтобы не разлучаться съ мужемъ, находящимся въ бѣгахъ и укрывательствѣ. Рабомъ представляясь (по внѣшности), она дѣйствительно рабствовала любви (къ мужу);—и такую жизнь вела въ теченіе многихъ лѣтъ, странствуя изъ мѣста въ мѣсто, изъ пустыни въ пустыню. Таковою же находимъ мы и жену терпѣливѣйшаго Іова. Вѣдь и его оставили всѣ: и льстецы утекли вмѣстѣ съ богатствомъ, и друзья соразмѣрили дружбу только съ временемъ счастья,—а если когда и являлись, то ихъ присутствіе было укоризною, а не посѣщеніемъ больнаго,—прибавленіемъ несчастья, а не облегченіемъ ¹⁾, потому что и утѣшители въ бѣдахъ всѣ негодовали противъ него. Одна только она, нѣкогда знатная, сидѣла при мужѣ на навозѣ, соскабливая гной и извлекая червей изъ ранъ. Такъ (поступила) подруга жизни, а не соучастница только въ счастьи, неразлучный другъ, а не льстецъ при наслажденіяхъ,—единственный добрый остатокъ отъ всего благополучія, всего самаго дорогаго и роднаго. Отъ этой крайней и чрезмѣрной

---

¹⁾ Іов. XVI, 2.

любви къ мужу, впала она даже въ грѣхъ богохуленія, посовѣтовавъ ему сказать нѣкое слово хульное на Бога и ускорить кончину, чтобы не терпѣлъ онъ дальнѣйшихъ наказаній и она не видѣла (его) въ безпрестанныхъ скорбяхъ ¹⁾. О собственномъ затѣмъ несчастіи вдовства она не размышляла; объ одномъ только заботилась, чтобы мужъ избѣгъ невыносимой жизни. Вотъ чему вмѣстѣ съ новымъ опытомъ научаетъ презрителя брака и воспоминаніе о древнемъ.

Что же подлежащій обвиненію могъ бы сказать противъ этого? какую-бы представилъ благовидную защиту своего легкомыслія? Нравъ жены, скажетъ, злой и ненавистный, языкъ необузданный, поведение не домовитое, хозяйство не экономное. Допустимъ, что такъ: я убѣждаюсь, и принимаю слова твои подобно тѣмъ судьямъ, кои не очень разборчивы на слухи и легко увлекаются порицаніями обвинителей. Но ты скажи: начиная дѣло съ нею, развѣ ты не зналъ, что вступаешь въ союзъ съ человѣкомъ? А услышавъ кто о человѣкѣ, развѣ не увидитъ тотчасъ и неизбѣжнаго грѣха?—Вѣдь только Богу свойственна непричастность злу. А самъ ты развѣ не грѣшишь? не доставляешь развѣ печалей женѣ своимъ поведениемъ? Свободенъ ли ты отъ всякой погрѣшности и хранишь ли въ супружествѣ законъ ненарушимымъ? А сколько, быть можетъ, жена перенесла оскорбленій при твоёмъ опьяненіи? какъ много претерпѣла легкихъ обидъ и срамныхъ словъ? О сколькихъ недостаткахъ твоихъ молчатъ потому, что о нихъ не разгласила жена? Она терпѣла тебя, когда ты напрасно раздражался и кипѣлъ отъ гнѣва и,

---

¹⁾ Іов. II, 9.

будучи свободною и равною тебѣ по достоинству, молчала, какъ купленная на рынкѣ раба. Когда ты по бѣдности или скудости не доставлялъ необходимаго для житейскаго обихода, она въ печали не укоряла тебя. Когда ты возвращался съ пирушки, иногда нагруженный виномъ и лишенный смысла, она, ненавидящая пьянство, не отвергала тебя, но принимала, извиняя по-человѣчески, вела тебя за руку, не смотря на сопротивленіе, и освѣжала твою голову, качающуюся отъ винныхъ паровъ, отводила даже на брачное ложе, — одна только сочувствуя тебѣ, тогда какъ слуги смѣялись и издѣвались надъ помѣшательствомъ твоимъ отъ опьяненія. А ты расхаживаешь по улицамъ и за ничтожныя вины преувеличенно хулишь свою жену, чтобы снискать себѣ сочувствіе въ легкомысленномъ разводѣ.

Жестокъ образъ мысли у такихъ мужей, звѣроподобенъ и необузданъ, — ведетъ свое происхожденіе, по народному сказанію, отъ дуба или камня; потому что, изгладивъ изъ памяти рѣшительно все, они равнодушно разводятся. Но кто отсѣкаетъ больной членъ вмѣсто того, чтобы лѣчить его, и притомъ — когда еще не поразило опасное страданіе, а есть большая и почти несомнѣнная надежда на исцѣленіе? Вскочилъ пузырь на рукѣ, мы будемъ заботливо лѣчить его; тревожить опухоль ногу, мы будемъ уничтожать опухоль лѣкарствомъ. Если же бы мы, пренебрегши врачебнымъ уходомъ, при каждомъ заблѣваніи обращались бы къ сѣченію и желѣзу, то въ немалое время жизни обсѣкли бы у себя все члены. Но да не будетъ такъ, о мужи! Пусть остается нѣкоторая память и о членахъ; пусть пристыдятъ васъ услуги женъ. Какъ бы не разгнѣвались вы, но противопоставивъ причинамъ своего раздраженія муку

однихъ только родовъ, найдете совершенно ничтожными (въ сравненіи съ этою послѣднею) всѣ опечаливающія васъ обстоятельства. Пусть здравое разсужденіе выставитъ на видъ и блага отъ расположенія (жены): врачеванія болѣзней, участіе въ несчастіяхъ, слезы, пролитыя за мужа передъ кѣмъ-либо, оставленіе родителей и отчаго дома и слѣдованіе за чужимъ (человѣкомъ), продажу чего-нибудь изъ своей собственности, чтобы избавить мужа отъ позора и затрудненія. Все это пусть воспитываетъ добрыя отношенія и пусть будетъ союзомъ любви, возбуждая и укрѣпляя душу, легко склоняющуюся къ паденію подобно какому-нибудь дому обветшавшему. Да преобладаетъ милосердіе и да не разрушается взаимная привычка и долговременное сожителство, которое даже неразумныхъ животныхъ заставляеть держаться нераздѣльно другъ съ другомъ. Видѣлъ я вола, страшно мычавшаго, когда отдѣлившись отъ стада онъ остался одинокимъ, — (видѣлъ) и овцу, блеявшую въ лѣсной долиніи и перебѣгавшую горы, пока не пристала къ стаду, отъ котораго отдѣлилась на пастбищѣ. А коза, оказавшаяся въ такомъ же положеніи, хотя бы и много козьихъ стадъ встрѣтила при своемъ бѣгствѣ, не прежде (однако) останавливается, какъ найдетъ то, съ которымъ близко свыклась, и своего собственнаго пастуха.

Да не окажемся же мы, одаренные разумомъ менѣе неразумныхъ (тварей) чувствительными къ дружбѣ. Не будемъ цѣнить супругу ниже какого-нибудь спутника, или вообще — подружившагося (съ нами) не надолго по какому-либо незначительному поводу. Видишь, какъ люди, встрѣтившись другъ съ другомъ на большой дорогѣ и вошедши подъ одну крышу

постоялаго двора или подъ развѣсистое дерево, дающее тѣнь лѣтомъ въ жаркій полдень, дѣлаютъ этотъ случай поводомъ для себя къ истинному благорасположенію. И когда пойдутъ (затѣмъ) по разной дорогѣ, то не безъ боли расстаются другъ съ другомъ, но останавливаются и начинаютъ плакать, пристально глядя другъ на друга, и каждый даетъ (другому) какіе-нибудь знаки памяти для ношенія (при себѣ); и нѣсколько отошедши, опять оборачиваются и перекликаются, желая одинъ другому благополучія. Короткое время завязываетъ столь пламеннѣйшую дружбу, что она становится для нихъ трудно нарушимой и разставаніе—насильственнымъ. А ты къ сообщницѣ жизни относишься такъ прерзительно, какъ къ негодному сосуду, или—дешевой одеждѣ, износившейся въ путешествіи, или—къ мальтійской собаченкѣ, оставшей отъ дома. Гдѣ же въ началѣ образовавшееся (другъ къ другу) расположеніе? гдѣ возлежаніе на одномъ ложбѣ? гдѣ узы закона? гдѣ сила большой и продолжительной привычки, которая, какъ говорятъ и какъ показываетъ опытъ,—превращается въ природу? Все расторгъ ты легче, чѣмъ Сампсонъ веревки иноземцевъ ¹⁾.

А между тѣмъ мужъ цѣломудренный и постоянный въ расположеніи не легко забываетъ и объ умершей супругѣ, но лелѣетъ дѣтей, какъ общій залогъ матери и природы. Онъ думаетъ даже видѣть въ нихъ отшедшую: ибо одно изъ дѣтей сохраняетъ подобіе материнскаго голоса, другое имѣетъ въ себѣ много одинаковыхъ чертъ по наружности, иное складомъ характера сходствуетъ съ родительницею. И такимъ образомъ отецъ, имѣя много живыхъ и на-

¹⁾ Суд. XV. 13 и слѣд.

глядныхъ образовъ супруги, представляетъ себѣ сожителство съ нею безсмертнымъ, и потому не имѣетъ въ себѣ сладострастныхъ помысловъ,—сегодня засыпавъ могилу, не готовитъ брачнаго чертога черезъ малое время. Не спѣшитъ онъ отъ слезъ и въздыханій опять къ брачному веселью, не перемѣняетъ черной и печальной одежды на свѣтлое платье жениха, не ведетъ другую супругу къ неостывшему ложу умершей, не даетъ дѣтямъ мачиху, — это ненавистное имя; но подражаетъ цѣломудренной чистотѣ горлицъ, свойственной имъ не отъ разума, а отъ природы. Говорятъ, что эта птица, разъ потерявши сожительницу, съ любовію продолжаетъ вдовую жизнь, и поступаетъ совершенно иначе, чѣмъ голубь, который наклоненъ къ многоженству.

Доселѣ мужъ да подвергается (въ бесѣдѣ) многимъ обвиненіямъ, и вины неблагодарности да поражаютъ его чаще снѣжинъ. Если же кто выставитъ на видъ вину прелюбодѣянія и на нее сошлетъ въ оправданіе развода, то я тотчасъ приму защиту потерѣвшаго неправду и, приготовивъ обвинительную рѣчь противъ любодѣйцы, выступлю вмѣсто противника мужу добрымъ защитникомъ его, похваляя бѣгущаго отъ коварной и разрывающаго узы, которыми связанъ онъ съ аспидомъ или ехидной. Таковому первый даетъ разрѣшеніе Творецъ всего, какъ дѣйствительно оскорбленному и вполнѣ законно прогоняющему язву отъ своего дома и очага. Вѣдь бракъ заключается по двумъ основаніямъ, — ради любви и чадородія, — изъ коихъ ни одно не сохраняется съ прелюбодѣяніемъ: любви нѣтъ, если благорасположеніе склоняется къ другому; уничтожается и благо дѣторожденія, когда происходитъ смѣшеніе

дѣтей. Но относительно этого грѣха сказано довольно въ иномъ наставленіи.

Итакъ, по моему, пусть обѣ стороны тщательно блюдутъ цѣломудріе, неразрывный союзъ брака: гдѣ оно чтится, тамъ необходимо быть миру и любви, такъ какъ никакое низкое и незаконное вождельніе не волнуетъ души и не изгоняетъ законной и праведной любви.

Этотъ законъ цѣломудрія опредѣленъ Богомъ не для женъ только, но и для мужей. Между тѣмъ эти послѣдніе, опираясь на мірскихъ законодателей, предоставляютъ мужчинамъ неограниченную свободу блуда и только въ отношеніи къ женскому цѣломудрію являются строгими судьями и учителями; а сами, съ величайшимъ безстыдствомъ развратничая, эти врачи другихъ, по пословицѣ, покрыты безчисленными язвами. И если кто упрекаетъ ихъ за такое зазорное поведеніе, они защищаются смѣшно и забавно. Мужья, говорятъ они, вѣдь если сблизаются и съ очень многими женщинами, не наносятъ дому никакого вреда; а жены, когда грѣшатъ, вводятъ чуждыхъ наслѣдниковъ въ дома и семейства. Но хитроумные изобрѣтатели такого глупаго мнѣнія пусть выслушаютъ, что и сами они разрушаютъ чужіе дома и семейства, такъ какъ женщины, съ которыми они вступаютъ въ связь, конечно — или дочери, или супруги чьи-нибудь. И во всякомъ случаѣ окажется, что или бракъ безчестится, или наносится обида отцу, который родилъ и воспиталъ (свою дочь) и надѣялся ввести ее дѣвою въ брачный чертогъ, но этими похитителями цѣломудрія лишены всей доброй надежды. Если распутникъ — самъ есть отецъ, то пусть познаетъ скорбь несчастнаго отца; если супругъ, пусть вообразить себя (такимъ же

образомъ) оскорбленнымъ: вѣдь тогда только дѣло обстоитъ хорошо, когда каждый судить о чужомъ такъ, какъ желалъ бы, чтобы и другой о немъ судилъ.

А если нѣкоторые, ссылаясь на римскіе законы, считаютъ прелюбодѣяніе не подлежащимъ обвиненію, то они находятся въ ужасномъ заблужденіи, не вѣдая, что иначе законополагаетъ Богъ и совсѣмъ другихъ мнѣній держатся люди. Послушай Моисея, который возвѣщаетъ волю Божию и произноситъ строгіе приговоры противъ прелюбодѣевъ ¹⁾. Послушай Павла, который говоритъ: „а блудниковъ и прелюбодѣевъ судить Богъ“ ²⁾. А тѣ другіе (т. е. мірскіе законодатели и философы) не послужатъ тебѣ во спасеніе во время воздаянія, но они сами будутъ дрожать и истаевать въ рыданіяхъ. Несмысленнымъ и невѣжественнымъ явится тебѣ Платонъ, выдумывавшій законы; приниженнымъ (покажется тебѣ) и этотъ важный тонъ, возвышающій свою силу противъ всѣхъ законодателей, когда увидятъ влекомыми (на казнь) развратниковъ, которымъ сами дали худое позволеніе. Вѣдь не воспретившіе другимъ, всеконечно, навлекаютъ грѣхъ прежде всего на себя самихъ, и окажутся повинными въ двойномъ преступленіи, что и сами дѣлали и другимъ позволяли жить разнузданно. Итакъ, желающіе сожителствовать съ насколько возможно непорочными супругами, пусть собственное поведеніе дѣлаютъ образцомъ для сожительницъ, чтобы онѣ возбуждались къ добродѣтели домашними примѣрами.

---

¹⁾ Лев. XXIV, 11; Втор. XXII, 22.

²⁾ Евр. XIII, 4.